

Съ очень давнихъ временъ Строгановы владѣли особыми льготами для заселенія пустынныхъ земель въ Устюжскомъ уѣздѣ, въ сѣверу отъ Вятки.

До сихъ поръ еще социальное положеніе и права Строгановыхъ являются вопросомъ спорнымъ. Преданіе связываетъ членовъ этой семьи съ знатымъ родомъ Добрыниныхъ. Но исторія говоритъ намъ, что она принадлежала къ сословію купцовъ или хлѣбопашцевъ, между которыми московское право XVI вѣка не дѣлаетъ никакого различія (*В. Сергѣевичъ*, Лекціи по ист. р. права, Спб. 1883, стр. 622, и *Тыжновъ*, Сибирскій Сборникъ, 1887, стр. 119). «*Hi vivunt sua negotiatione*», говоритъ о Строгановыхъ неизвѣстный авторъ *Historia de Siberia* 1681). Строгановы не были ни боярами, ни «служилыми людьми». Но на огромныхъ земляхъ, принадлежавшихъ имъ въ XVI, они пользовались исключительными льготами. Имъ принадлежало исключительное право суда надъ мѣстными жителями; сами же Строгановы были подсудны лишь одному царю. Они строили города и воздвигали крѣпости, хотя и испрашивали разрѣшеніе государя для каждой новой постройки; они держали войско и лили пушки; они воевали съ сибирскими князьями и торговали безпошлинно съ азіатскими племенами. Правда, то были купцы и хлѣбопашцы, но совершенно особаго рода; хотя въ Уложеніи царя Алексѣя они и приравниваются къ *гостямъ*, т.-е. первостатейнымъ купцамъ, но они, именно, лишь приравниваются, а не смѣшиваются съ ними. Въ главѣ о взысканіяхъ за извѣстныя оскорбленія упоминается та же пошлина въ примѣненіи къ *гостямъ* и къ *Строгановымъ*, называемымъ по имени. Поэтому можно не безъ основанія утверждать, что семья эта составляла какъ-бы совершенно отдѣльную социальную группу.

Въ 1558 г. Григорій Аникіевъ Строгановъ билъ челомъ Ивану пожаловать ему 106 кв. верстъ земли, лежащей за Пермью по берегамъ

Камы. Онъ хотѣлъ тамъ выстроить крѣпость для обороны противъ татаръ, распахать землю, устроить пастбища, завести соляныя варницы. Просьба его была исполнена,—царь пожаловалъ ему землю и освободилъ его отъ всякихъ пошлинъ на 20 лѣтъ; онъ оставлялъ только за собою право на серебряную, мѣдную и оловянную руду, если таковая найдется въ этомъ мѣстѣ. Это были обычныя условія при дарованіи такого рода милостей, на которыя московскіе государи не скупились; единственно, чего они не дозволяли, это—располагать военной силой. Ихъ политическая система не допускала въ этомъ смыслѣ никакихъ уступокъ; однако, на границѣ Сибири пришлось разрѣшить и это въ силу необходимости. С рогановъ построилъ крѣпость на рѣчкѣ Пискоркѣ и назвалъ ее Канкоромъ. Въ 1564 онъ билъ челомъ, чтобы позволилъ ему царь построить другую крѣпость на 20 верстъ дальше, на Орлѣ; это былъ Каргеданъ. Въ 1566, по просьбѣ этого сильнаго рода, его городки и промыслы были включены въ опричнину, а въ 1568 г.—значительно расширены. Но такимъ образомъ растянутыя владѣнія страдали отъ беспрестанныхъ набѣговъ черемисовъ, башкиръ и другихъ дикихъ сосѣднихъ племенъ. Иванъ, ознакомленный съ положеніемъ дѣла, разрѣшилъ колонизаторамъ вооружить необходимое количество остяковъ и казаковъ, чтобы отражать эти нападенія. Преслѣдуя нападающихъ, казаки скоро перешли за Уралъ; здѣсь начинается уже легендарная эпопея.

Въ это время появилось въ Сибири татарское ханство, основанное, какъ думаютъ, родомъ Тайбуговъ, который враждовалъ съ однимъ изъ правящихъ родовъ, отдѣлился и сталъ покорять себѣ сосѣднія земли остяковъ и башкиръ. Столица этого ханства называлась Сибирь или Искеръ. Ханомъ тамъ былъ съ 1556 г. Кучумъ—киргизъ Кайсакскаго рода. Онъ свергнулъ съ престола Ядигера, прежняго Ивана данника. Встревоженный успѣхами Строгановыхъ и опасаясь за свою независимость, Кучумъ отправилъ своего сына или племянника, царевича Магметкула, чтобы напасть на новые русскіе промыслы. Враждебныя дѣйствія продолжались до 1582 г. и заставили Ивана еще болѣе расширить права и льготы Строгановыхъ, братьевъ Григорія и Якова. Имъ были пожалованы берега Тобола и его притоковъ за Ураломъ. Между 1574 и 79 г. эти огромныя владѣнія и лежащія на нихъ повинности перешли по наслѣдству къ третьему брату, Семену Аникіеву, и къ его двумъ племянникамъ, Максиму Яковлевичу и Максиму Григоріевичу. Чтобы выпутаться изъ опаснаго положенія,

они прибѣгли къ смѣлому средству. Донскія казацкія станицы, какъ я уже говорилъ, служили сборнымъ пунктомъ и убѣжищемъ для сброда со всей русской земли; то были полу-воины, полу-разбойники, большею частью спасшіеся отъ висѣлицы и не боявшіеся поэтому ни царя, ни Бога, ни чорта. Отправленное на Донъ предложеніе Строгановыхъ поступить къ нимъ на службу было полно заманчивыхъ обѣщаній и, въ числѣ другихъ смѣльчаковъ, привело на берега Камы человѣка, который до сихъ поръ слыветъ покорителемъ Сибири. Но онъ только случайно сталъ героемъ счастливѣйшаго изъ тысячи эпизодовъ,—однимъ изъ тѣхъ людей, которые своей грубой силой способствовали прочнымъ и непрерывнымъ успѣхамъ цивилизаціи, утвердивъ на дальнемъ азіатскомъ Востокѣ московское владычество. Преданіе часто дѣластъ такихъ людей героями.
